

RUGRAM

ВЯЧЕСЛАВ КАЛИКИНСКИЙ

В полном отрыве

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос-Рус)6
К17

Каликинский В.

К17 В полном отрыве : [роман] / Вячеслав Каликинский. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2022. — 675 с. — (Серия «Пальмира — детектив»).

Писатель Вячеслав Каликинский представляет четвертую книгу литературного проекта «Агасфер» — «В полном отрыве». Точный язык, динамичный сюжет, множество малоизвестных исторических фактов и подробностей делают чтение очередного романа не только увлекательным, но и крайне познавательным занятием.

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-04525-6

© Каликинский В. А., 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

Часть первая

Глава первая

МОСКВА

Было утро, 3 сентября 1904 года.

— Не оставь, Богородица, сироту заботами своими! — женщина, чередуя мелкие поклоны с торопливым обмахиванием крестом, попятилась, потянула за собой худого мальчишку лет 12–13. — Рот-то закрой, горе мое! Пошли, недосуг мне нынче!

У парадного подъезда солидного четырехэтажного здания на Тверской решительности у женщины поубавилось. Оглянувшись на сына, она тряхнула его ладошку:

— Здесь, что ли, Влас?

— Ага... Раньше газетная редакция в бывшем магазине Лукутина была, во-о-н туточки! А нонесь в новый дом переехали, и типография папенькина тоже, в первом ентаже. Слышь, мать, как машины-то крыльями своими железными хлопают?

— «Хлопають»! Стой ровно, рубашку оправлю!

Женщина придирчиво оглядела сына, потом себя. Тронула щепотками пальцев насборенную на талии старенькую бумажейную юбку. Обмахнула, словно от пыли, простенькую кофтенку с уже обтрепавшейся баской. Снова с опаской покосилась на высоченные двери, которые не успевали закрываться от постоянного потока входящих и выходящих людей. Поток был самый что ни есть разнокалиберный — приказчики, почтальоны с сумками через плечо и фуражках с кокардами, курьеры, прилично одетые господа в мягких шляпах и котелках. Вдоль тротуара выстроились длинной шеренгой извозчики, несколько ломовиков, щегольская коляска. Сбоку от крыльца швейцар, которого постоянный поток посетителей лишил необходимости

открывать и закрывать двери, мирно беседовал с городовым — тот снисходительно слушал, приподнимаясь на носках блестящих сапог, изредка кивал, не забывая посверкивать на толпу острым надзирающим оком.

— Народу-то, народу! — вздохнула женщина. — Аж боязно! Не турнули бы нас с тобой, Власинька! Ну, пошли, благословясь...

В просторном вестибюле первого этажа было не менеелюдно и суетно, чем на улице. Посыльные и курьеры продирались сквозь толпу, сопровождая движение хриплыми возгласами «Виноват-с!», «Дорогу, дядя!», «Прощенья просим, сударь...» Вдоль стены по правую руку, до самой лестницы, тянулся высокий прилавок, отгороженный от посетителей деревянным барьером. За этой загородкой молодые люди конторского обличья, через одного в черных парусиновых фартуках и нарукавниках, сортировали выстроившихся вдоль барьера посетителей, принимали от них какие-то пакеты и конверты, выдавали квитанции, разъясняли, как пройти туда-то и туда-то.

Еще раз мелко перекрестившись, женщина решительно потащила мальчишку к барьеру, поправила накиннутый на плечи платок с узелком на груди и через непродолжительное время добилась торопливого внимания со стороны одного из конторщиков. Тот мгновенно оценил непритязательную одежонку посетительницы:

— Тебе чего, матушка? Говори скорей, не видишь — бедлам тут у нас! Ну? За вспомоществованием, что ли?

— Ага, то есть, не за энтим, господин хороший, — зачастила она. — Муж мой, покойник, работал в типографии вашей, наборщиком. Курносов Никодим, слышал, поди?

— Не слышал, мать! — нервно помотал головой конторский. — В сытинской типографии одной, тутошней, больше тыщи таких курносовых. Ты дело говори! Жалование за мужа получать пришла? Пьющий он у тя?

— Како жалованье, Христос с тобой? С полгода как помер кормилец-то мой. Сыночка евойного хочу пристроить сюды посыльным, Власа. Совсем от рук отбился, цельными днями

по крышам голубей гоняить... А так хоть копейку живую в дом понесет. Потому как и отец евойный тут пятнадцать годочков без малого отработал, в наборном цеху. Глядишь, и Влас мой ремеслу доброму выучится.

— Погоди, мать! Толком говори — в газетную редакцию тебе али в типографию? Если в типографию — тогда в первый этаж иди, налево, мастера спросишь. Если в «Русское слово», то в третий этаж, мать. Там присутствие редакционного заведующего...

«Мать» что-то попыталась объяснить дополнительно, но конторский уже передвинулся к следующему посетителю. Делать было нечего, и женщина направилась к лестнице, под которой темнела широченная дверь с табличкой «Типография газеты „Русское слово“». Товарищество И. Д. Сытина». Сунулась было в дверь, но моментально оробела от грохота и лязга огромных черных машин. Машины со свистом крутили огромные бумажные рулоны, хлопали какими-то решетками.

— Па-а-сторони-и-ись! — рывкнули на ухом, и посетители едва успели отскочить в сторону, уберечь ноги от тяжеленного бумажного рулона, который катили по полу двое перепачканных черной краской парнишек.

В застекленном закутке у входа с заваленным бумагами конторским столом и распахнутым настезь шкапом, также доверху набитым разнокалиберными бумагами, никого не было. А другая такая же будочка виднелась аж в самом конце неширокого прохода между страшными машинами по одну сторону и железными верстаками с другой. У верстаков тоже кипела работа, доносились выкрики чумазых от типографской краски людей. Вдоль верстаков бегали мальчишки, держащие в руках длинные полосы бумаги. Такие же полосы держали и солидные господа в сюртуках, пристроившиеся у широких подоконников цеха — те не бегали, а, согнувшись, что-то черкали там карандашами.

— Воистину бедлам, — поджала губы женщина. — Пошли, сынок, в третий этаж! Может, хоть там поспокойней будет...

На этаже, целиком занимаемом газетной редакцией, и вправду было потише. В просторном вестибюле у входа, заставленном пустыми столами, диванами и стульями сидели и стояли небольшими группами и по одному с десятков приличных господ разного возраста. Они курили, спорили, оживленно переговаривались. У многих у руках были такие же странные бумажные исчерканные полосы. Вдоль всего этажа уходил в глубину широкий коридор с двумя рядами дверей по обе стороны, у некоторых из них стояли неподвижные фигуры сторожей в фуражках с кокардами. Такая же фигура, охранявшая начало коридора, двинулась наперерез женщине с мальчишкой, небрежно прикоснулась пальцем к козырьку фуражки.

— Слуш-ш-шаю?

— Мне б в присутствие господина заведующего, — заторопилась женщина.

Она снова пустилась в пространный рассказ о покойнике-муже, об оставшихся сиротах. Не дослушав, фигура отступила в сторону, пояснила:

— Ежели насчет места, то канцелярия господина заведующего редакцией под вторым номером, направо...

В длинной комнате с множеством столов, где писали и щелкали счетами дюжины полторы конторских в белых сорочках с нарукавниками, снова пришлось рассказывать о муже, о старшеньком Владе и настоятельной необходимости носить в дом живую копейку. Двое конторских, не дослушав, попытались спроводить посетительницу на Хитровку, в Морозовскую биржу труда. Однако вдова упорствовала, и уходить не желала. Тогда ей было велено выйти в коридор и там дожидаться какого-то Петра Степаныча. Женщина заняла позицию у дверей присутствия и принялась терпеливо ждать.

Мальчишке, понятное дело, скоро скучное стояние прискучило. И он постепенно, шагком за шагом, стал отодвигаться от матери в сторону вестибюля, где приметил нескольких подростков своего возраста, гордо щеголявших в картузах с надписью «Русское слово» на нашитой полосе. Мать пробовала негромко